

05.08
11.11.1979-80
11 мая
Тарковские архивы

Шедевр 2-й категории

История создания фильма «Зеркало»

Продолжение. Начало см. №№ 9-10, 11-12, 13-14, 15-16, 17-18

Уже к началу августа 1974 года окончательно стало ясно, что очередного тяжелейшего конфликта с киноруководством Тарковскому не избежать. В дневнике он срочно набрасывает стратегический план обороны "Зеркала": "1974. 1 августа.

Разработал план действий:
1. Написать письмо Ермашу (самое позднее - 6 или 7 августа), сообщив, что я отклоняю поправки. Выяснить, как он себе представляет мою дальнейшую судьбу.
2. Написать письмо Сизову, чтобы поставил его в известность о содержании письма Ермашу.

(...)
5. В четверг организовать просмотр с целью защитить себя с помощью еще чьего-то мнения: Сурков, Кондрашов (поддерживают меня), Симонов (возможно, поделю), Шостакович, Смоктуновский, Карасик, Чухрай и другие. Посоветоваться, кого из писателей, художников и поэтов пригласить.

6. Может быть, уместно письменно зафиксировать мнение этих людей, чтобы они потом подписали свои отзывы. Для предъявления Ермашу.

7. Если, несмотря на это, с фильмом ничего не получится, и Ермаш оставит меня без работы, написать письмо Брежневу.

8. Если же и это не поможет, попросить разрешение через Госкино выехать на два года за границу, чтобы найти возможность снять фильм там, не компрометируя себя в идеологическом смысле".

Осенью 1974 года комитетчики практически загоняют Тарковского в угол. Дальнейшие страницы его дневника, написанные осенью этого года, просто кричат от боли и отчаяния. Выбор режиссера невелик: или еще раз, как и с "Рублевым", ложиться на полку, или идти на уступки начальству. Тарковский еще раз заносит ножицы над своим, столь мучительно давившимся детисчем. Но изувечить фильм, угодая требованиям Госкино, он, конечно, не может. В Малом Гнездиновском это прекрасно видят. И опять возвращают фильм на доработку.

Главному редактору Киностудии "Мосфильм" тов. Нехорошеву Л.Н. 3 сентября 1974 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ на художественный фильм "Зеркало" режиссера А.Тарковского

Госкино СССР, просмотрев окончательный вариант фильма "Зеркало" ("Белый, белый день") режиссера А.Тарковского, считает необходимым обратить внимание киностудии "Мосфильм" на следующее:

Некоторые предложения и рекомендации руководства Госкино СССР по этому фильму реализованы не были. С нашей точки зрения, по-прежнему нуждаются в доработке отдельные эпизоды картины.

Так в эпизоде "Испания" не удалось ослабить грустную и трагическую тональность эпизода в целом. Подобная односторонняя трактовка судьбы испанских детей в СССР неверна по существу.

В монтаже военной хроники есть нарушения хронологии действия, не хватает боевых наступательных эпизодов Великой Отечественной войны. В хроникальных кадрах китайских событий по-прежнему много планов парада на площади в Пекине. Нам кажутся лишними кадры войны на Ближнем Востоке.

Фильм необходимо освободить от элементов мистики.

В связи с тем, что вступительный эпизод с лопогондом остался в картине, студия должна представить согласие мальчика (или родителей в случае его несовершеннолетия) и врача на использование данного эпизода в фильме.

Эти рекомендации должны быть реализованы в процессе изготовления исходных материалов фильма.

Главный редактор Главной сценарной редакционной коллегии Д.К.Орлов

11 сентября 1974 года "Мосфильм" представил Госкино СССР новый вариант "Зеркала", в который внесены поправки, рекомендованные Госкино СССР в заключении от 3 сентября с.г.". К сопроводительному письму директора "Мосфильма" Н.Сизова прилагался отчет о внесенных исправлениях.

Многое ли удалось исправить? Да практически ничего. Еще со времен "Рублева" Тарковский завел правило не уступать притязаниям киноначальников. Если и шел на какие-то поправки, то делал это, скорее, изображая смирение, для отвода глаз. Впрочем, судьбе сами.

СПИСОК исправлений, проведенных в кинокартине "Зеркало" в соответствии с рекомендациями Госкино СССР:

- 1. В эпизоде "Испанцы" в хронике со стратогатами вставлены кадры встречи В.Чкалова в Москве и его проезд по улице Горького.
- 2. Перемонтирована и уточнена в хронологическом порядке военная хроника.
- 3. В конце военной хроники вставлены планы встречи советских воинов в Праге.
- 4. С целью большего эмоционального воздействия сокращен план "высшей женщины".
- 5. В финале картины написана автор-

ская реплика, уточняющая размышления автора о дальнейшей жизни.
6. В эпизоде с военруком сняты моменты заикания.
А.ТАРКОВСКИЙ, режиссер-постановщик
Э.ВАЙСБЕРГ, директор картины

Уже только на исходе 1974 года во всей этой драматичной и безнадежно запянувшейся истории фильма вроде бы намечался какой-то просвет. Со скрипом - сначала на "Мосфильме", а потом и в Госкино была подписан акт о приемке картины.

Конеч терзаниям?!
Ох, если бы...
Тарковскому предстояло проглотить еще одну и, быть может, едва ли не самую горькую пилюлю в своей кинематографической жизни. Руководство Союза кинематографистов СССР решило устроить бранение с коллегией Госкино СССР на почве-де дружеских разборов нескольких новых полотен "Мосфильма" на так называемую "современную тему". Среди таковых были выбраны "Зеркало" Андрея Тарковского, "Осень" Анорья Смирнова, "Романс о влюбленных" Анорья Михалкова-Кончаловского, "Самый жаркий месяц" Юлия Карасика.

Два последних фильма включили в число обсуждаемых, скорее всего, для чисто камуфляжа. Никаких особых проблем, требующих столь пристального внимания со стороны объединенного контингента - Госкино и секретариата СК, с этими работами не было. "Самый жаркий месяц" сразу был причислен к бесспорным достижениям советского многонационального киноискусства на самую дорогую для него тему - фильм о рабочем классе и научно-технической

революции. С "Романсом..." тоже все вроде было в ажуре. А вот с "Зеркалом" и "Осенью" дела обстояли неважно. На них поступила очень серьезная телега из украинского ЦК. Украинские "сусловы" страшно обозлились на эти две московские картины. Их истоптали на одном из пленумов украинского ЦК, а в Москву, на Старую площадь, пришел зневный официальный протест высокопоставленных коммунистических братьев Украины: как же так, мы тут у себя бьемся на смерть за социалистическую чистоту радийского мисцистства, а вы там, в Москве, позволяете у себя под носом такую пакость разводить!

Тогдашний секретарь и идеолог СК СССР А.В.Караганов вспоминает: "Бывали и такие случаи, когда председателю Госкино, чтобы спастись от очередной нахлобучки, нужно было пойти на какой-то маневр. Так случилось и с фильмом "Зеркало".

После истории с "Андреем Рублевым" фильм Тарковского смотрели в руководящих аппаратах через тройную линзу придинок и перестраховки. В "Зеркале" сразу нашли много пороков и ошибок. Казаюсь, фильм обречен. Но еще какой-то просвет сомнений, колебаний оставался. И Ермаш, человек не только умный, но и хитрый, понял это. У меня состоялся с ним такой разговор: "Давайте проведем совместное обсуждение "Зеркала". Но не одного, а скажем, вместе с "Самым жарким месяцем", "Осенью" и "Романсом о влюбленных". Помимо секретарей Союза пригласите еще несколько крупных мастеров. Пусть они покритикуют "Зеркало". Это очень важно, чтобы покритиковали, иначе поддержка не будет иметь такой цены.

Обсуждение состоялось. В своих выступлениях мы к некоторым сценам придирались. Может, это даже несправедливо. А может, и справедливо: ведь это не тот случай, когда все сцены и эпизоды фильма поставлены, сыграны на одинаковом уровне. Там были куклы, целые части замечательные, даже гениальные. Но были и сцены послабее. Ю.Я.Райман, другие товарищи, включая и меня, отметили некоторые слабости, спорные режиссерские и актерские решения, достаточно высоко оценяя работу режиссера. Материалы обсуждения были достаточно умело использованы Ермашием для защиты фильма от наиболее серьезных руковожающих запретителей. Фильм был спасен. Он не попал на "полку", только процедура его выпуска несколько задержалась.

Увы, далеко не все в этой истории "товарищеского суда" было так красиво и благородно. Другой его участник позднее тоже страстно уверял, что все, мол, делалось исключительно во благо "упомянувших". Мол, их решили потопить, только как бы понаоруже, для виду, чтобы успокоить высокие партийные круги и тем самым избавить своих коллег от худшей участи.

Скорее всего, намерение и в самом деле было благим. А вот ведали ли те, кто в присутствии министра к его неказанной радости вялились читать вышесказанные нотации Тарковскому, какую на самом деле мораль извлекли из этой басни власти!..

По итогам сердечного обсуждения Б.Павленко, заместитель Ермаша, рапортовал родному Центральному Комитету: "Поставленные в 1974 году на "Мосфильме" картины "Зеркало" и "Осень" были в ряду других фильмов обсуждены на совместном заседании коллегии Госкино СССР и секретариата Союза кинематографистов СССР.

В обсуждении приняли участие видные советские кинорежиссеры, сценаристы, киноведы: С.Герасимов, Ю.Райман, С.Ростоцкий, В.Наумов, М.Хуциев, Г.Чухрай, Б.Метальников, В.Соловьев, В.Баскаков, Г.Капарлов, А.Караганов и другие.

Все выступившие отмечали творческую неудачу, постигшую режиссера А.Тарковского при постановке фильма "Зеркало". Сценарий картины позволял надеяться на появление поэтического и патриотического фильма о детстве и юности героя, совпавших с годами Великой Отечественной войны, о становлении художника. Однако этот замысел оказался воплощенным лишь частично. В целом режиссер создал произведение в идеале субъективное по мысли и настроению, вычурное по кинематографическому языку, во многом непонятное. Особо резкой критике подверглось пренебреже-

ние режиссера к зрительской аудитории, что выразилось в усложненной символике, неясности мысли произведения, в отходе от лучших реалистических традиций советского кинематографа.

(...) Учиывая, что фильмы "Зеркало" и "Осень" относятся к примеру ни сто художественных неудач, Госкино СССР приняло решение выпустить эти картины ограниченном тиражом... И это называется "защитить коллегу"?

Это то, о чем можно сказать "материалы обсуждения были достаточно умело использованы Ермашием". Впрочем, воистину умело!

Власти удалось наказать провинившихся режиссеров руками их же коллег и товарищей. Так что гражданам начальникам даже и не пришлось мारать свои белые ручки. Ермаш со товарищи мог торжествовать. Он и торжествовал. Да и в отделе культуры ЦК КПСС - главным инициаторе и заказчике образовывающе-показательной порки - тоже были весьма довольны!

Другие чувства остались у героев обсуждения. Андрей Смирнов вспоминает: "После этой картины я испытал, пожалуй, самое горькое одиночество. "Осень" поносило начальство. Ее то тут, то там слышали с проката обкомы, скандал слезовал за скандалом. Но и моим коллегам, и даже многим друзьям она тоже не нравилась. (...) Отношение было такое, будто меня ударили в том, что я написал на заборе слово из трех букв.

Все эти годы после "Осени" - 74-75-й - оказались самыми тягостными. Денег ни копейки. От меня все воротили нос. Распалась семья. От меня забрали детей. И вот: умереть нельзя, а жить невозможно! И я уже стал за собой замечать, что потихонечку начинаю сходиться с ума, что вот-вот кончу сумасшедшим домом. И отчетливо помню, как мелкнула однажды успокоительная мысль: что вот это-то и есть для меня единственно спасительный выход. Хоть перед детьми я тогда не буду виноват..."

Судя по страницам дневника, чувства и настроения Андрея Тарковского были после "товарищеского суда" в Союзе кинематографистов ничуть не более благоприятными.

1975. 2 марта.
Ермаш без объяснения причин категорически отказался послать "Зеркало" на фестиваль в Канни (хотя в прошлом году клятвенно обещал это). Босси вне себя от ярости. Беда в том, что "Зеркало" гарантированно получит там "Золотую пальмовую ветвь". Но именно этого и боится наше начальство, когда оно постоянно только и делает, что пытается унизить меня и мои фильмы любым способом. Об "Идиоте" до сих пор горькое молчание.

Был у Сизова и поставил ему ряд вопросов: почему Ермаш вопреки своему обещанию Босси и сотрудникам Комитета (при обсуждении категории фильма) не послал фильм в Канни? Почему от меня скрывают, что мне поступило много предложений на постановку фильмов за рубежом?

Почему "обсуждение" "Зеркала" в Комитете организовано столь особым образом? (...)
Почему больной Наумов, забыв о своей болезни и о своей работе, поспешил в Комитет (в Москву), чтобы раскритиковать "Зеркало"?

Почему "Зеркало" получило вторую категорию?
Почему так мало копий "Зеркала" в прокате (73)?

Почему считается недопустимым сообщать в прессе о моих победах и премиях на фестивалях?

Почему "Соларис" не получил Государственной премии, хотя он единогласно прошел через все инстанции?

Сизов что-то пробормотал, попытавшись ответить на некоторые поставленные мной вопросы. Как будто его ответы действительно меня интересовали. В ходе разговора он заявил: "Нам не нужен такой фильм!" ("Идиот"). Не могли бы вы его снять на другой студии?" На что я возразил: "Может быть, мне совсем уйти с "Мосфильма"? Сизов пробурчал что-то примирительное.

С Каннами все же должно что-то произойти. "Зеркало" должно "пробиться". Босси уехал, пригрозив, что устроит скандал; он не взял ни одного советского

фильма. Он ведь хотел взять "Зеркало", которое там уже все ждали - ведь Ермаш дал ему твердое согласие.

Это трусливая свинья!
Ведь если бы "Зеркало" получило приз, то и коммерчески тоже было бы выгодно - можно получить валюту для страны. Главное, что он сохранит свою задницу в кресле. Интересы страны его не заботят".

Тарковского ждал еще один "подарок" судьбы, еще один "товарищеский суд". На родном "Мосфильме", Худсовет главной студии собрался, чтобы определить, на какую группу оплаты тянет "Зеркало". На кинематографическом жаргоне советских времен сия процедура именовалась "присуждением категории".

Категорий в те годы было в основном три. Третья, самая низшая, считалась категорией для "прокаженных". Слаботоварищеские авторы обычно получали ишии с маслом - ни денег, ни проката. Более того, авторов, награжденных третьей категорией, еще и штрафовали - за перерасход пленки и прочие производственные прегрешения.

Вторая категория оборачивалась умеренным вознаграждением. Давалась она обычно фильмам столь же умеренных качеств. Отмечались еще и работы вполне интересные, но не слишком ровные по исполнению.

Первая категория - это, по крайней мере, самая высокая гонорарная ставка, большой тираж, разнообразные ласки начальства и всевозможные почести.

Впрочем, в резерве у начальства была еще и высшая категория. Объединение, в котором работал Тарковский, выставило "Зеркало" на первую категорию. Вот как все это происходило.

СТЕНОГРАММА заседания Художественного совета киностудии "Мосфильм" (комиссия по определению групп по оплате)

Обсуждение цветного полнометражного художественного фильма "Зеркало". Председательствующий: Н.Т.Сизов.

Н.Т.СИЗОВ. Объединение представляет картину к 1-й группе. Вы посмотрели фильм. Пожадуста, у кого будут какие соображения? (...)

Б.Г.КРЕМНЕВ. Почему Объединение представляет эту картину на 1-ю категорию? Объединение считает, что картина чрезвычайно своеобразная, и это картина, которая сделана большим художником, своеобразным, неповторимым, я бы сказал. Картина при всей ее усложненности - принципиально важная не только для "Мосфильма", но и для нашей кинематографии, ибо в том понятии, какое мы вкладываем в стиль нашего искусства, в стиль социалистического реализма, - мне кажется, что сила социалистического реализма в том, что это искусство не серое, не однотонное, как пытаются доказать кое-кто на Западе, а искусство очень многообразное, и оно может в себе одобрять и картины такие, как "Самый жаркий месяц", и картину такую, какую сделал Тарковский.

Картина Тарковского, в общем, посвящена, если поглубже подумать, очень важной проблеме нашей жизни - это, пожалуй, первое произведение для самого Тарковского, где он обращается к современности, где поставлена проблема места человека в жизни, ответственности человека перед самим собой, перед своей совестью, перед окружающими его людьми. И эта тема в картине звучит, несмотря на некоторую усложненность формы.

Картина, естественно, спорная. Спорная она, мне кажется, по своим средствам выражения. Есть в картине несколько словес, эти слов неравнозначны по выражению своему, но то, что это произведение искусства - это несомненно. В картине чувствуется удивительно интересная работа режиссера, прекрасная работа оператора и, на наш взгляд, удивительная работа актрисы Тереховой. Все это вместе делает картину, как нам кажется, весьма интересной и выдающейся при всей ее спорности.

Наше объединение считает, что картину "Зеркало" надо представить к присуждению 1-й категории. Об этой картине напишут критики, будут споры и различные мнения - и в этом, может быть, выразится интерес к этой картине. (...)

Я не склонен отнестись эту картину к разряду элитарных картин. Я отношу ее к

разряду трудных, сложных картин, но эта сложность вызывает много мыслей и размышлений.

Думаю, что эта картина будет иметь и своих противников, и своих сторонников, и своего зрителя. Я не берусь говорить о том количестве зрителей, которые ее посмотрят. Но, во всяком случае, картина есть, и она заслуживает той высокой оценки, к которой ее представляет объединение.

Н.Т.СИЗОВ. Картину Шукшина "Калина красная" просмотрело за три месяца 47 миллионов человек. Это не по теме, а для справки.

СП.АНТОНОВ. Должен сказать, что мне картина "Зеркало" очень понравилась, правда, смотрел я ее с большим напряжением и трудом. Я не совсем уверен, что понял так, как хотел ее представить А.Тарковский. Во всяком случае, не мыслю, а основное чувство до меня дошло.

Мне кажется, что речь идет о сложной душе современного человека в нашем сложном мире, нагруженного опытом не только своей жизни, но и многого предшествующего. Все это в нем живет, заставляет рефлектировать и мучиться. Все представлено в прекрасной игре актрисы, в ее лице и глазах, в ее мимике.

Все эти наслоения и напластования - это история наша, причем представлена она очень лаконичными средствами. Это мне понравилось.

Вспомним эту боготню за гранками, вызванную предположением о совершенной ошибке. Мне пришли на память годы моей работы в "Литературной газете". В пятидесятых годах была допущена в опубликованной газетной статье ошибка касательно Сталина. Не одна авторесса тогда "поехала". Этот кусочек, очень короткий в картине, живо напомнил мне то время.

Однако, несмотря на то, что мне картина понравилась, я огорчен.

Вот, например, цитируется письмо Пушкина "К Чаадаеву". Для того, чтобы понять, что этим хотел сказать автор, важно знать не только то, что Пушкин написал Чаадаеву, но важно знать и то, по какому поводу написал Пушкин письмо "К Чаадаеву". А Пушкин написал это письмо в ответ на чаадаевские философские письма. А в этих философских письмах Чаадаев писал, что Россия ничего не стоит, что она ничего не совершит, на России надо поставить крест. А Запад и католицизм Запада даст движение, а Россия останется на задворках.

Если весь этот объем материала знать, тогда понятно, к чему наша Россия пришла. Это все сложнейшие ассоциации. Когда речь идет о горящем кусте и показан горящий костер и потом речь идет о Моисее, тут необходимы ассоциации с библейскими легендами Моисея. И вот я думаю: что будет смотреть наш зритель... при всем росте культуры и при всем отставании искусства, и при всех высоких требованиях зрителя, от которого искусство отстает, как пишут газеты, я боюсь, что 99,9 процента не поймут это. И меня обескураживает второе - стихи Арсения Тарковского, которого я люблю как поэта. Стихи могли бы скорректировать все это, ввести всю логику картины в русло большей ясности. Но они не подсказывают, а комментируют стихом всю эту сложную ткань ассоциаций. Но нужна особая приверженность к этому делу, чтобы разобратся.

А вообще картина о бессмертии человека, о бессмертии жизни, потому что человек умирает, но есть внук и правнуки - они остаются, и жизнь продолжается. Но это двойственное ощущение меня обескураживает, потому что прекрасные куски, прекрасные интерьеры, прекрасная игра актеров, и смелость, и выдумка играют востолую.

И последнее. В нашем искусстве, даже в живописи, как ни странно, стало даже не только модным, а стала необходимостью сбиться временных планов: прошлое - настоящее, вперед - назад. Это в прозе особенно ясно, да и в живописи есть, хотя в статическом произведении это сделать трудно...

В картине Тарковского мать и дочь - и артистка одна и та же играет, и то, и се - и настолько это сделано безрасудно, что зритель ведь должен понять, где артистка "мама", а где "дочь". Надо же дать это понять.

В этом смысле мне хочется серьезный упрек предъявить. Мы, конечно, должны двигаться вперед в направлении модерни-

зации, но желательно, чтобы люди при этом понимали.

Конечно, будут "долбать". 90 процентов будут долбать - те, которые ничего не понимают, и это еще страшнее. Вот мое суждение.

Е.С.МАТБЕЕВ. Свое короткое выступление я хочу начать с того, что недавно мы посмотрели картину "Осень", по которой я на художественном совете не выступил, после чего я мучился неделю, считая, что это было бессовестно с моей стороны не высказать свое мнение о картине. В течение полутора часов на художественном совете говорили о сложности этой любви, которая, на мой взгляд, была очень неинтересна. И голосовало за первую категорию.

Сегодня меня картина очень взволновала потому, что все компоненты первоклассные: актеры играют хорошо, операторское искусство очень высокое, художник и режиссер замечательные. Посмотрел я две картины подряд - "Осень", Смирнова и "Зеркало" Тарковского - и люблю себя на том, что я выше из зла, и мне почему-то плохо. Выдумай, о том, что высокие трагедии Шекспира, и драмы русской классики вызывают чувство восторга и жажды жизни. А, посмотрев картину глубоко талантливого Тарковского, мне почему-то не хочется жить. Не знаю, может быть, это происходит потому, что мне не все понятно в его картине.

Еще Маркс говорил, что если хочешь наслаждаться искусством, надо научиться его понимать.

Произведение, которое мы сейчас посмотрели, настолько сложно, что его трудно понять даже опытным людям, его нужно смотреть не один, а несколько раз. Я сомневаюсь, что зритель, не поняв картину после первого раза, пойдет второй и третий раз ее смотреть для того, чтобы понять. Вряд ли зритель kinetics читать Евангелие или Пушкинское письмо "К Чаадаеву" для того, чтобы понять, что же это за картина.

Мне обидно за Тарковского. Я высоко ценю его картину "Иваново детство", в которой было все то, что он и сейчас делает, но там была интонация жизнестерженности, а все его последующие картины усложняются и делаются все болезненнее.

Актриса Терехова прекрасно играет, но ведь это - большая женщина, и больна она не только физически, но и духовно. Идет разговор в картине о том, выйти ли ей замуж или не выйти. Но кому нужна такая жена?

Повторю, что мне обидно за такого большого художника, как Тарковский, и просто неловко даже говорить.

Здесь говорили, что на совещании в Союзе кинематографистов совместно с Госкино было сказано в одном из выступлений об элитарности. Видно, не случайно употребили слово "элитарность" применительно к картине Тарковского для ее характеристики. Надо полагать, что найдутся такие, которые будут аплодировать, кричать "ура" - гениальный Тарковский, единственный у нас Феллини и тому подобное. Шума будет много. Но для кого создана эта картина? Думаю, что для немногих...

Жалею, что нет здесь Тарковского - я бы дружески сказал ему: здоровые же люди ходят по улицам и по студии - почему же не обратит сюда такую силу таланта? Тарковский просто гениально одаренный человек. Но когда с цитатниками полезли китайцы, я совсем запутался.

Я закончу свое выступление. Очень жалею, что Тарковский не обращается, по большому счету, к огромной силе народа - не в том смысле, что народ талантлив и поет, а к духу народному.

Но я буду голосовать за 1-ю категорию обязательно.

Н.Т.СИЗОВ. Это вовсе необязательно. Голосуйте, как считаете нужным. Я лично за 2-ю категорию буду голосовать. У каждого свое мнение. Пусть каждый решит так, как он считает нужным.

Материал подготовил Валерий ФОМИН

Окончание в следующем номере